

ПОДЪ ГУНИБОМЪ.

(Воспоминаніи очевидца.)

Причина, заставляющая меня сообщить черезъ три сличкомъ года послѣ взятія Гуниба нѣкоторыя подробности объ этомъ событіи, вовсе не желаніе прославить подвиги доблестной кавказской арміи, не нуждающейся въ восхващеніяхъ. Еще менѣе пишу я для того, чтобъ увеличить матеріалы для обогащенія мнимой науки, подъ громкимъ названіемъ: „тактика горной войны“. Тамъ, гдѣ все зависитъ исключительно отъ взгляда военачальниковъ и храбрости войскъ, гдѣ мѣстность, условія военныя и политическія (за немногими исключеніями, горная война почти всегда народная) измѣняются безпрестанно, гдѣ очень часто числительность, имѣющая такое важное значеніе въ тактикѣ, вещь второстепенная, гдѣ разсыпной, или, вѣрнѣе, беспорядочный строй почти единственно возможный, тамъ не можетъ быть и рѣчи о примѣненіи основныхъ началъ теоріи. Въ теченіе столѣтій, рѣдко встрѣчаются въ горной войнѣ два случая, похожіе одинъ на другой, даже въ общихъ чертахъ. Горная война скорѣе борьба. Что же тутъ помогутъ правила тактики?

Прямая цѣль моихъ воспоминаній — исправить въ разсказѣ г. Глиноецкаго о взятіи Гуниба (*) то, что можетъ подать по-

(*) См. «Поездка въ Дагестанъ». «Военный Сборникъ» 1862 г., № 2, стр. 413 и 414.

водъ къ сомнѣнію въ готовности ширванцевъ идти на штурмъ, такъ какъ разсказъ, по собственнымъ словамъ автора, основанъ на частныхъ и потому, конечно, не всегда вѣрныхъ и безпристрастныхъ разсказахъ. Нисколько не оспаривая заслуги Самурскаго полка, баталіоны котораго дѣйствовали однако не въ тѣхъ позиціяхъ, гдѣ ихъ предполагаетъ авторъ „Поѣздки въ Дагестанъ“, замѣчу только, что, при почти одинаковыхъ условіяхъ, четыре баталіона Ширванскаго полка, находившіеся рядомъ, вѣроятно должны были болѣе способствовать успѣху штурма, по одной своей численности и по большому протяженію атакowanego фронта (*), нежели три баталіона Самурскаго полка, расположенные на діагонально-противоположныхъ пунктахъ подножія горы. Пальма гунибской побѣды безспорно принадлежитъ апшеронцамъ. Правда, они имѣли достаточно времени оглядѣться и приготовить все нужное, а ширванцы заняли свои позиціи только передъ самымъ штурмомъ; но это отнюдь не отнимаетъ у храбрыхъ апшеронцевъ заслуженной славы. Дѣло въ томъ, что ширванцы немало содѣйствовали ихъ успѣху, хотя, быть можетъ, отчасти и случайно.

Какъ это происходило, читатель увидитъ изъ моего разсказа, который, смѣю сказать, основанъ на правдивости и безпристрастіи. Разумѣется, я могу говорить преимущественно о томъ, что видѣлъ самъ, и потому разсказъ мой не что иное, какъ одинъ изъ эпизодовъ взятія Гуниба. Но и въ отношеніи того, что я только слышалъ, я могу ручаться за достовѣрность. Свѣжесть событія не допускала въ самый день штурма, и въ первое послѣ него время, возникнуть частнымъ взглядамъ, такъ часто измѣняющимъ фантасію событія. Изъ сравненія всего мною видѣннаго и слышаннаго, я былъ въ состояніи вывести, сколько мнѣ кажется, вѣрное заключеніе. Ссылаюсь на всѣхъ участвовавшихъ во взятіи Гуниба и во главѣ ихъ на любимаго вождя нашего, генерала барона Врангеля.

Форма и положеніе Гунибъ-дага довольно извѣстны изъ описаній и плановъ; слѣдовательно, нѣтъ нужды распростра-

(*) Изъ дислокаціи войскъ видно, что четыре баталіона ширванцевъ занимали узкій, преимущественно укрѣпленный флангъ горы, обращенный къ рѣкѣ Кара-Койсу, и лѣвую половину сѣверо-восточнаго фаса, то есть всю мѣстность по обѣимъ сторонамъ восточнаго угла Гунибъ-дага, имѣя предъ собою Шамилъ и старшаго его сына Казы-Магомъ.

няться объ этомъ предметѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ описанія достаточно вѣрны и въ главныхъ чертахъ сходны между собою.

Стояли мы на кегерскихъ высотахъ, называющихся такъ отъ находившагося здѣсь прежде аула Кегеръ, разореннаго Шамилемъ. Широко раскинуты были лагери штаба главнокомандующаго, командующаго войсками въ прикаспійскомъ краѣ (21-я пѣхотная дивизія) и резервныхъ войскъ, ожидавшихъ съ нетерпѣніемъ штурма. Кегерскія высоты, образуя оконечность, знаменитаго въ исторіи Нагорнаго Дагестана, плато Турчи-дага, крутыми обрывами и отвѣсными скалами упираются въ правый берегъ Кара-Койсу, насупротивъ Гунибъ-дага, котораго плато, имѣющее форму ложки, кажется какъ бы продолженіемъ турчпдагскаго, отдѣленнаго отъ перваго глубокимъ и узкимъ ущелиемъ Кара-Койсу. Рѣка продолжила здѣсь себя путь подъ прямымъ угломъ черезъ горный хребетъ. Вся, въ своей окружности, грушеобразная поверхность Гунибъ-дага лежала передъ нами, по общей своей наклонности къ Кара-Койсу, какъ на ладони, и зрительныя трубы развѣ только ночью вкладывались въ футляры.

Надъ обрывами Гунибъ-дага, обращенными къ Кара-Койсу, видны были двѣ стѣны, одна надъ другою, защищавшія гору съ единственной, по мнѣнію горцевъ, доступной для насъ стороны; видѣны были на верхнемъ краю отвѣсной скалы, съ которой каскадомъ падаетъ гунибскій ручей, родъ эполемента для орудій. Тутъ же, рядомъ, у подножія холмика, увѣчаннаго башнею, стояла палатка Шамиля. Отъ времени до времени раздавались то на этой батарее, то на другихъ, обращенныхъ къ другимъ фасадамъ горы, выстрѣлы, почти всегда неудачные, по нашимъ войскамъ, окружавшимъ подножіе Гунибъ-дага.

Переговоры съ Шамилемъ были намъ крайне непріятны. Боялись мы, въ случаѣ добровольной сдачи имама, потерять вѣроятность хорошаго дѣла, въ успѣхѣ котораго никто не сомнѣвался. Но переговоры прерваны. Шамиль согласился было выѣхать въ лагерь главнокомандующаго къ вечеру, если не ошибаюсь, 20-го августа, и уже приготовились къ его приему. Но имамъ не явился, пытался возобновить переговоры, желая выиграть время, такъ что главнокомандующій назначилъ послѣдній срокъ, по истеченіи котораго было приступлено къ энергическимъ дѣйствіямъ для овладѣнія Гунибомъ. Это было

22-го августа. По мнѣнію нашихъ генераловъ, какъ мнѣ рассказывали мои „штабные“ знакомцы, не было сомнѣнія въ необходимости, такъ или иначе, только скорѣе, покончить, хотя неудачный штурмъ могъ повлечь за собою опасныя послѣдствія. Нѣтъ ничего въ мірѣ измѣнчивѣе кавказскаго горца. Отбитый штурмъ, возвративъ горцамъ, только что добровольно покорившимся, увѣренность въ счастливую звѣзду проклинаемаго ими, какъ тирана и грабителя, Шамиля, въ короткое время доставилъ бы имаму до двухъ тысячъ новыхъ защитниковъ, въ лицѣ мюридовъ, тайкомъ пробравшихся къ нему, и взволновалъ бы окружающія Гунибъ общества. Но, съ другой стороны, почти тѣ же самыя послѣдствія имѣла бы и продолжительная осада, и потому мнѣніе генералъ-маіора Кесслера, начальника инженеровъ кавказской арміи, предлагавшаго правильную осаду, не нашло приверженцевъ уже и потому, что большое количество продовольственныхъ припасовъ Шамиля хорошо было извѣстно. Приготовленія къ штурму (заготовка лѣстницъ, крючьевъ, веревокъ и проч.) были сдѣланы заблаговременно. Даже осадный артиллерійскій паркъ былъ въ движеніи къ отряду. Но мы покончили съ Шамилемъ раньше прибытія этого парка, и онъ вернулся съ дороги.

Дагестанскій отрядъ, раздробленный отчасти по необходимости занимать наши сообщенія, временныя провіантскіе склады и нѣкоторые сдавшіеся укрѣпленные аулы, былъ немногочисленъ въ сравненіи съ предстоявшимъ предпріятіемъ. Правда, силы Шамиля, по свѣдѣніямъ, простирались только до четырехсотъ съ чѣмъ-то человекъ; но это были самые отборныя, наэлектризованныя фанатизмомъ, воины имама и нѣсколько бѣглыхъ солдатъ, которые, принявъ магометанство, не могли ожидать ничего утѣшительнаго отъ сдачи и плѣна. Однако, число способныхъ носить оружіе защитниковъ Гуниба оказалось въ послѣдствіи больше. Въ этомъ я убѣдился собственными глазами въ день штурма. Кромѣ того, на женщинъ и дѣтей возложена была обязанность заготовлять камни на окраинахъ горы, спускать ихъ на штурмующихъ, поддерживать въ посправности и возводить новыя оборонительныя укрѣпленія, участвовать въ ночныхъ караулахъ. Надобно также принять во вниманіе самую мѣстность, которою жители Гунибъ-дага не разъ пользовались, чтобъ противиться разнымъ властвовавшимъ въ Нагорномъ Дагестанѣ лицамъ, даже Шамилю, мѣстность,

укрѣпленную теперь съ большимъ искусствомъ, защищаемую лично имамомъ, который видѣлъ свое спасеніе только въ отчаянной защитѣ. Ко всему этому должно присоединить огромное протяженіе линіи расположенія нашихъ войскъ, частію у подножія Гунибъ-дага, частію на скатѣ самой горы, для препятствованія сношеніямъ гунибскихъ защитниковъ съ покорившимися горцами. Такимъ образомъ, взятіе Гуниба, съ имѣвшимися налицо средствами, было дѣломъ, во всякомъ случаѣ, труднымъ, вдали отъ всѣхъ магазиновъ и провіантскихъ складовъ, среди утесистыхъ и бесплодныхъ горъ, безъ вьючныхъ дорогъ, среди вопиющаго населенія, ожидавшаго благопріятной минуты обратиться противъ того, кто первый потерпитъ неудачу.

Подручныя силы наши были слѣдующія.

Кто хоть мѣсяцъ провелъ въ кавказскомъ боевомъ походѣ, тотъ знаетъ числительную силу нашихъ баталіоновъ. Даже при полномъ комплектѣ, который, впрочемъ, рѣдко бываетъ, въ кавказскомъ баталіонѣ число людей собственно „въ дѣлѣ“ едва ли достигаетъ пятисотъ штыковъ. Этотъ, съ перваго взгляда поразительный, расходъ нижнихъ чиновъ можно раздѣлить на, такъ сказать, „допоходный“ и „походный“ или собственно „военный расходъ“. Къ первому относятся командировки, значительныя всегда въ войскахъ, расположенныхъ въ краю, подчиненномъ военному управленію и вдобавокъ населенномъ иноплемennымъ народомъ, и расходъ хозяйственный. Штабъ-квартиры кавказскихъ полковъ нѣчто въ родѣ военныхъ колоній и, подобно имъ, должны имѣть относительно обширныя хозяйственныя заведенія, исключая земледѣлія. Расходъ остающихся въ штабъ-квартирѣ, при разныхъ отрасляхъ какъ полковаго, такъ и ротнаго хозяйства людей (не считая гарнизона, состоящаго въ штабъ-квартирахъ, близкихъ къ театру военныхъ дѣйствій, обыкновенно изъ одного баталіона), долженъ быть, разумѣется, большой. Дѣйствительно, въ рѣдкихъ случаяхъ выступаетъ въ походъ болѣе двухъ третей числящихся по спискамъ нижнихъ чиновъ. Расходъ же походный или собственно военный вездѣ почти одинаковъ. Сюда принадлежатъ караулы, вѣстовые, больные, артельщики, разныя лагерныя командировки и назначенія и т. под. Но въ кавказской войнѣ, гдѣ военный театръ не только не представляетъ никакихъ удобствъ для пребыванія войскъ, а, напротивъ, требуетъ большихъ усилій

для преодоленія мѣстныхъ условій, расходъ людей значительно увеличивается. Отрядъ принужденъ брать съ собою все для жизни необходимое на продолжительное время, т. е. исключая провіантъ, почти на все время похода. Обозъ отъ этого увеличивается до чрезвычайности и, какъ выучный, требуетъ не только больше людей для вожатыхъ и помогающихъ, но, по своей важности для войскъ, и больше прикрытія, всегда готоваго отразить частыя покушенія непріятеля: и это не только во время переходовъ, но и въ лагерѣ, гдѣ, при выступленіи изъ него, каждый баталіонъ по большей части оставляетъ цѣлую роту для прикрытія, не считая небольшого числа людей отъ всѣхъ ротъ. Расходъ цѣлыхъ частей для конвоирования разныхъ транспортовъ, преимущественно провіантскихъ, не входитъ въ этотъ счетъ. Естественно, что, при такихъ неизбежныхъ условіяхъ, число людей, участвующихъ въ дѣлѣ, тактически говоря, наступательномъ, рѣдко превышаетъ двѣ трети походнаго состоянія, стало быть не достигаетъ и половины всего списочнаго.

Подъ Гунибомъ же, число людей, которыми можно было располагать собственно для штурма, еще значительно уменьшилось необходимостію сохраненія достаточно сильного блокаднаго кордона, который, въ случаѣ надобности, могъ бы служить и ближайшимъ резервомъ для охраненія тыла противъ демонстрацій ближайшаго населенія, на восторженное привѣтствіе котораго нельзя было рассчитывать. Я уже сказалъ, что кавказскій горецъ капризентъ и безхарактеренъ какъ женщина.

Итакъ, восемь, блокировавшихъ Гунибъ-дагъ, баталіоновъ (*) и нѣсколько сотенъ конницы были силы весьма небольшія для атаки такого пункта, какъ Гунибъ, хотя и защищеннаго только горстію храбрецовъ. Въ резервъ же, на кегерскихъ высотахъ, стояли четыре баталіона Ширванскаго, одинъ баталіонъ Эриванскаго, два эскадрона Сѣверскаго драгунскаго полковъ и мелкія команды казаковъ и милиціи, состоящихъ всегда при штабахъ большихъ дѣйствующихъ кавказскихъ отрядовъ. Стрѣлковая рота кавказскаго линейнаго № 19-го баталіона была въ Кудаллахъ, на спускъ съ кегерскихъ высотъ къ Кара-Койсу, а

(*) Одинъ баталіонъ Ашперонскаго, два баталіона Дагестанскаго, три баталіона Самурскаго полковъ, 21-й стрѣлковый баталіонъ и 1-й баталіонъ Грузинскаго гренадерскаго полка, прибывшій изъ чеченскаго отряда.

двѣ роты того же баталіона—въ сдавленномъ укрѣпленномъ аулѣ Чохъ.

Послѣ прерванія переговоровъ съ Шамилемъ, доказавшихъ лишь намѣреніе его продлить пассивную до сихъ поръ блокаду Гунибъ-дага, князя Барятинскій рѣшилъ отправить почти весь резервъ, то есть Ширванскій полкъ, подъ Гунибъ, къ тому мѣсту, которому до сихъ поръ мы, повидному, не придавали особеннаго значенія, именно къ фасу, обращенному къ юго-востоку и къ прилегающей къ нему части сѣверо-восточнаго фаса. Юго-восточная сторона гунибской горы, насупротивъ кегерскихъ высотъ, самая низкая, самая доступная со всѣхъ четырехъ фасовъ Гунибъ-дага, и потому была сильно укрѣплена. Въ отношеніи остальныхъ фасовъ, Шамиль, какъ видно, слишкомъ надѣялся на опоясывающія верхнюю часть горы, въ видѣ діадемы, отвѣсныя скалы.

Я былъ тогда въ 3-мъ баталіонѣ Ширванскаго полка. 22-го августа, вечеромъ, узнали мы, что 1-й и 2-й баталіоны идутъ подъ Гунибъ, и, какъ говорится, повѣсили носъ, опасаясь не быть при штурмѣ. Первые два баталіона нашего полка выступили съ разсвѣтомъ 23-го; но, къ величайшей радости нашей, и 3-й и 4-й баталіоны получили приказаніе выступить, только по другой дорогѣ, черезъ Кегерь, такъ какъ намъ назначено было занять лѣвый флангъ позиціи противъ сѣверо-восточнаго фаса (*).

Никто не зналъ подробно мѣстности, а проводникъ, появившійся, вѣроятно, по своему данное ему черезъ переводчика приказаніе, подвелъ насъ къ грозному Салтинскому ущелью, по которому пролегла едва для природнаго горца проходимая тропинка; провести же по ней выюки нельзя было и помышлять. Какъ ошибка эта была открыта нами слишкомъ поздно, то мы, чтобы не возвращаться, избрали окольную дорогу черезъ Карату. Вотъ причина, почему, вмѣсто того, чтобы встать на назначенную намъ позицію въ садахъ у подножія Гунибъ-дага, къ вечеру 23-го августа, два баталіона достигли своего назначенія только часа въ четыре послѣ полудня, 24-го числа, послѣ двухъ крайне-утомительныхъ переходовъ по 'козьимъ тропинкамъ. Съ прибытіемъ на мѣсто, насъ привѣтствовали гранаты

(*) Назначеніемъ первыхъ двухъ баталіоновъ была позиція на юго-восточномъ фасѣ горы, между Кара-Койсу и непріятельскими стѣнами.

Казы-Магомы, сына шамилева, батарея котораго находилась какъ разъ противъ нашего лагеря.

Уже дежурный унтеръ-офицеръ рапортѣвалъ мнѣ о благополучномъ приходѣ роты, и послѣ такого неизбѣжнаго донесенія дѣйствительно ничего не оказалось злополучнаго. Уже палатка моя была поставлена, койка на походныхъ сундукахъ разбита и на ней послана незатѣйливая постель; сзади палатки уже слышалось, какъ вѣстовой раздувалъ самоваръ, и я располагался, послѣ страшной усталости, отдохнуть, какъ вдругъ вбѣгаетъ, запыхавшись, фельдфебель, съ докладомъ, что „генераль требуетъ“ всѣхъ баталіонныхъ и ротныхъ командировъ туда, на тотъ бугорокъ, что видѣнъ сквозь деревья садовъ. Живописенъ былъ этотъ бугорокъ, да его отдѣляли два оврага. Хотѣлось бы сѣсть на осѣдланную еще лошадь, да нельзя туда проѣхать верхомъ.

Дѣлать нечего, надѣлъ шапку и пошелъ, подумывая: что за поспѣшность? Гунибъ не убѣжить, и Шамиль тоже: успѣемъ еще!...

Я не воображалъ, что черезъ полусутки самъ уже буду тамъ, наверху, на этомъ самомъ Гунибъ-дагѣ, который громадною массою возвышался передо мною.

Я пришелъ почти послѣдній. Баталіонные и ротные командиры двухъ нашихъ баталіоновъ окружали генераль-маіора Кесслера, объяснявшаго планъ дѣйствій.

У подножія бугорка начинался усѣянный камнями и обросшій красноватою рѣдкою травою довольно однообразный сѣверовосточный скатъ Гунибъ-дага, общая крутизна котораго, до отвѣсныхъ скалъ, опоясывающихъ верхнюю часть горы, превосходитъ 45 градусовъ, потому что обрушившійся, мѣстами глинистый, перемѣшанный съ крупнымъ булыжникомъ и обломками скалъ, грунтъ образуетъ небольшіе, но отвѣсные обрывы. Скатъ этотъ кончается кверху у перпендикулярной стѣны скалъ. Стѣна, находившаяся передъ нами, была раздѣлена, въ почти горизонтальномъ направленіи, двумя узкими и покатыми полосами, обросшими травою и кое-гдѣ колочими кустарниками, такъ что образовала три яруса или уступа. Влѣво отъ насъ, ярусы постепенно сближались и наконецъ, слившись въ одну высокую стѣну, обращенную уже къ юго-западу, составляютъ восточный уголъ горы, за которымъ виднѣлся намъ противоположный утесистый берегъ Кара-Койсу—скаты кегер-

скихъ высотъ. Вправо отъ насъ, сближались только нижніе два яруса и далѣе представляли также одну стѣну. Верхній же кончается разомъ отвѣсно, такъ что, снизу, верхній край горы представляется въ видѣ длиннаго чемодана. У праваго конца этого чемодана, стояла палатка Казы-Магомы, рядомъ съ его батареею, а еще правѣе была башенка, защищавшая всходъ по узенькой, извилистой тропинкѣ. Впрочемъ, вырубленная въ скалѣ лѣстница, которою тропинка кончалась вверху, была сорвана порохомъ.

Планъ генералъ-маіора Кесслера состоялъ въ томъ, чтобъ, по наступленіи темноты, двѣ роты отъ каждаго баталіона прокрались, подъ защитою нижней стѣны, къ назначеннымъ мѣстамъ и постарались, вырубивъ въ скалѣ ступеньки, проложить сообщеніе съ подножіемъ второй стѣны, гдѣ на другой день, вечеромъ же, ихъ должны были смѣнить другія роты. Прибывшія на мѣну роты имѣли назначеніемъ добраться такимъ же образомъ подъ третью верхнюю стѣну, опять до мѣны ихъ свѣжими ротами. Дальнѣйшія распоряженія зависѣли отъ обстоятельствъ. Въ двое сутокъ могло измѣниться многое.

Всѣ мы, признаться, недоумѣвали. Штурмовать крутыя горы не было новостію для насъ, скалы также не казались недоступными, когда въ памяти свѣжо еще сохранилось взятіе Бетлинской горы, по занятіи сугратлинской переправы. Но какъ же работать безъ возможности прикрытія рабочихъ? Правда, кое-гдѣ виднѣлись въ скалѣ расщелины; но мы ихъ видѣли только снизу на большомъ разстояніи, на самомъ же дѣлѣ онѣ могли оказаться иными. Притомъ, если работать ночью, то, не говоря уже о трудности высмотрѣть удобное мѣсто, стукъ и шумъ въ первую же минуту встревожили бы непріятеля, который непременно осыпалъ бы насъ градомъ пуль и камней на близкомъ разстояніи. А груды этихъ камней рисовались черными силуэтами на синемъ небѣ, озаренномъ заходящимъ солнцемъ. Видѣли мы тутъ и примѣръ мѣткости, съ которою стрѣляютъ горцы, и могли убѣдиться, что они хорошо вооружены, потому что коническая штуцерная пуля ударила въ землю въ серединѣ нашего кружка, а разстояніе было такое, что хотя выстрѣлъ былъ сверху внизъ, однако дымокъ отъ него едва былъ замѣтенъ около палатки Казы-Магомы, которая бѣлѣлась словно голубь на вершинѣ скалы.

Мы позволили себѣ нѣсколько замѣчаній; но въ отвѣтахъ

генерала Кесслера проглядывала мысль, которую нельзя было угадать. Я полагаю однако, что его распоряженія—такъ какъ онъ дѣйствительно долженъ былъ считать Гунибъ-дагъ на этомъ пунктѣ недоступнымъ—имѣли въ виду только отвлекать вниманіе непріятеля отъ другихъ, болѣе слабыхъ, пунктовъ, и для того, чтобы не подѣйствовать на отважный духъ кавказскаго солдата простою демонстраціей, тогда какъ другіе будутъ работать на самомъ дѣлѣ, онъ назначилъ намъ мнимую цѣль. Впрочемъ, русское „авось“ рѣдко гдѣ могло быть такъ примѣнимо, какъ подъ Гунибомъ, и апшеронцы доказали, что на этотъ разъ оно „взяло“. Мнѣніе мое подтверждается тѣмъ, что передъ самымъ вечеромъ получено было отъ генералъ-маіора князя Тарханъ-Моуравова, командовавшаго войсками, расположенными на сѣверо-восточномъ фасѣ, приказаніе быть готовымъ къ двумъ часамъ ночи къ фальшивой тревогѣ. Тревога имѣла цѣлью заставить горцевъ если не совсѣмъ уничтожить, то, по крайней мѣрѣ, значительно уменьшить громадный запасъ камней, заготовленныхъ на окраинѣ горы для сбрасыванія.

Прежде чѣмъ продолжать разсказъ, я долженъ замѣтить, что фальшивая тревога сопровождалась весьма важными послѣдствіями и немало содѣйствовала успѣху штурма. Удивляюсь только, какъ подобное обстоятельство оставалось почти незамѣченнымъ до сихъ поръ. Первыми, еще ночью, съ 24-го на 25-е число, взошли на верхнюю окраину Гунибъ-дага нѣсколько апшеронцевъ, а съ разсвѣтомъ собрался здѣсь уже почти весь ихъ баталіонъ, на что потребовалось, конечно, немало времени, и только тогда узналъ объ этомъ Шамиль. Правда и то, что со стороны апшеронцевъ онъ не могъ ожидать серьезныхъ покушеній. Эта часть Гунибъ-дага отовсюду чути не самая недоступная; однако и здѣсь былъ небольшой караулъ. Вообще, вопреки всѣхъ слышанныхъ и читанныхъ мною увѣреній, будто, по малочисленности защитниковъ Гуниба, окраина горы была недостаточно охраняема, я долженъ сказать, что на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только представлялась хотя малѣйшая возможность взобраться на гору, и даже на тѣхъ, откуда можно было только замѣтить наши движенія, находились, правда небольшіе, но бдительные караулы, имѣвшіе между собою быстрое сообщеніе, какъ то всегда бываетъ устроено у горцевъ. Службу эту, преимущественно ночную, отправляли даже старики, мальчики и женщины. Однако апшеронцы не встрѣ-

тили сначала другаго сопротивленія, кромѣ рѣдкихъ, сдѣланныхъ въ темнотѣ и при туманѣ, выстрѣловъ, и потому забрались наверхъ, гдѣ частію убили, частію взяли въ плѣнъ человѣкъ около двадцати, сбѣжавшихся на шумъ, горцевъ. Все это объясняется внезапною суматохою, которую произвела между осажденными наша фальшивая тревога, начавшаяся, неизвѣстно почему, раньше назначеннаго времени (что весьма важно). Она продолжалась почти до начала разсвѣта на лѣвомъ крылѣ нашей позиціи, противъ сѣверо-восточнаго фаса, около восточнаго угла горы, т. е. діаметрально противоположнаго тому мѣсту, гдѣ взобрались апшеронцы—западному углу. Фальшивая тревога привлекла къ намъ не только свободные резервы Шамиля, но и встревоженные караулы другихъ пунктовъ, которые и остались не защищенными. Не будь тумана, то три, четыре человѣка, замѣтивъ повремя попытки апшеронцевъ, остановили бы ихъ покушенія взобраться на гору. Когда же, на разсвѣтѣ, распространилось извѣстіе, что русскіе вошли на гору, всѣ, потерявъ голову, бросились навстрѣчу апшеронцамъ, почему и мы, въ свою очередь, могли взобраться безъ другихъ препятствій, кромѣ естественныхъ. Только на юго-восточномъ фасѣ, мюриды, находившіеся за стѣнами и поздно узнавшіе о случившемся, хотѣли было броситься на нашихъ солдатъ; но, сообразивъ, что появившіеся сзади и направо отъ нихъ штыки всегда успѣли бы или отрѣзать имъ дорогу къ аулу, или ворваться туда на ихъ плечахъ, они рѣшились уже не защищаться, а только дорого продать свою жизнь. Повернувъ стремительно назадъ къ ширванцамъ, которые, по занятіи оставленныхъ стѣнъ, истребили, между тѣмъ, небольшое число горцевъ, засѣвшихъ за верхними завалами, мюриды бросились въ шашки. Эти-то мюриды и разныя другія толпы горцевъ, бросавшіеся въ средину наступающихъ съ разныхъ сторонъ ширванцевъ, но уже на вершинѣ горы и въ то время, когда наши войска начали окружать самый аулъ Гуниба, и были причиной нашей потери, въ которой г. Глинноецкій упрекаетъ ширванцевъ. Нельзя же было бѣжать намъ, ради само-сохраненія, отъ бросавшагося на насъ непріятеля. Если за этотъ день, не представившій ширванцамъ случаевъ оказать заслугъ, которыя имѣли бы непосредственное вліяніе на окончательный исходъ дѣла (появленіе перваго русскаго баталіона на окраинѣ горы рѣшило участь Гуниба), и можно въ чемъ

упрекнуть насъ, то развѣ въ томъ только, что первые, взобравшіеся наверхъ съ юго-восточнаго фаса, увлеклись непріятелемъ и, вмѣсто того, чтобы дожидаться товарищей, растянувшихся при всходѣ на высокую и крутую гору, бросились на встрѣчу горцамъ, что, по ихъ малочисленности и безпорядку, и повело къ нѣкоторымъ, дѣйствительно лишнимъ, потерямъ. Впрочемъ, потери едва ли были бы меньше, еслибъ собрался въ строй и цѣлый баталіонъ. Кто видѣлъ горца въ изступленіи, обречшаго себя на смерть, тотъ согласится со мною.

Паденіе Гуниба, замѣчательное своимъ политическимъ значеніемъ, имѣетъ, въ тактическомъ отношеніи, сходство съ сраженіями лейпцигскимъ и ватерлооскимъ: дѣло было проиграно частію потому, что въ немъ не участвовала значительная часть шамилевыхъ воиновъ. Обманутые фальшивой тревогой, бросаясь, такъ сказать, изъ угла въ уголъ, горцы, въ сущности, почти не обороняли Гунибъ и тогда только стали драться съ отчаяннымъ изступленіемъ, когда все было рѣшено. Нѣтъ сомнѣнія, Гунибъ былъ бы взятъ во всякомъ случаѣ, можетъ быть въ этотъ день, можетъ быть и дня черезъ три-четыре, но безъ объясненныхъ обстоятельствъ дорого стоила бы намъ эта побѣда. Даже и при благопріятныхъ обстоятельствахъ врядъ ли она обошлась бы такъ дешево, еслибъ самъ Шамиль не потерялъ голову при первомъ извѣстіи о томъ, что „русскіе на Гунибъ-дагъ“. Утративъ съ лѣтами энергію, потерпѣвъ въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ чувствительныя неудачи, оскорбленный отпаденіемъ самыхъ вѣрныхъ приверженцевъ, имамъ все еще надѣялся на недоступность Гунибъ-дага. Смущеніе его при неожиданной страшной вѣсти было такъ велико, что онъ не имѣлъ силъ сѣсть на лошадь: его подсадили почти полумертваго, и онъ, проговоривъ невнятно приказаніе, чтобы всѣ собрались къ аулу, ускорять туда (*).

Возвращаюсь къ моему разсказу.

Генераль-маіоръ Кесслеръ оставилъ насъ. Въ баталіонахъ были тогда двѣ роты съ наръзными (1-я и стрѣлковая) и три съ гладкоствольными ружьями. Назначены были на этотъ день стрѣлковая и одна нумерная гладкоствольная (какъ говорили) роты, и, по просьбѣ моей, изъ числа послѣднихъ и моя рота. Я разсчитывалъ, что если все пойдетъ согласно диспозиціи, то

*) Подробнѣе эти разсказывалъ бѣглый солдатъ, конюхъ Шамиля, постоянно находившійся при немъ.

очередь дойдетъ до меня черезъ два дня, т. е. при развязкѣ дѣла; но если бы, между тѣмъ, представилась возможность принять что нибудь — и это казалось мнѣ вѣрнѣе — то, во всякомъ случаѣ, я былъ ближе къ цѣли и, кромѣ того, имѣлъ возможность дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, что всегда пріятно, особенно же въ военномъ дѣлѣ.

Возвратившись въ лагерь своей роты, я созвалъ всѣхъ унтеръ-офицеровъ и объяснилъ имъ цѣль предпринимаемой подѣ скалу экспедиціи, на сколько это нужно было для ихъ круга дѣятельности. Затѣмъ я подумалъ о подкрѣпленіи своихъ усталыхъ силъ. Духанщикъ (*), по обыкновенію, отсталъ. Запуска всѣ были уничтожены, и я долженъ былъ удовольствоваться чаемъ съ знакомыми всѣмъ сухарями. Послѣ чаю я старался заснуть, но напрасно. Сумерки настали быстро. Рота пообѣдала похлебкою, сваренною наскоро съ саломъ, и приготовлялась къ ночному препріятію. Только узкій серпъ луны блѣднѣлъ надъ горою, за которою вскорѣ скрылся. Темнота воцарилась окончательно. Пора! Я осмотрѣлъ роту, удостовѣрился, что всѣ отвертки, ковырялки и другіе подобные предметы, которые своимъ бряцаніемъ могли нарушить тишину, спрятаны, и отправился за послѣднимъ приказаніемъ къ баталіонному командиру. Послѣдній предостерегалъ меня отъ всякаго увлеченія, справедливо замѣчалъ, что если даже мнѣ удастся взойти на гору съ одною ротою, и, конечно въ безпорядкѣ, то, по всей вѣроятности, всѣ до одинаго погибнуть безъ пользы. Хотя число выступавшихъ со мной людей немногимъ превышало сто человѣкъ, но, признаюсь, я выслушалъ внушенія баталіоннаго командира довольно равнодушно. Мнѣ казалось, что и небольшое число людей, взобравшихся на гору, принесетъ пользу, хотя бы отвлеченіемъ вниманія непріятеля отъ другихъ пунктовъ. Правда, я считалъ невозможнымъ взобраться въ назначенномъ мѣстѣ, однако далъ себѣ слово поступать соображался съ обстоятельствами, предполагая, что на мѣстѣ многое окажется иначе, что отчасти и случилось.

Мы выступили. Впереди была 3-я стрѣлковая рота. Проводникомъ служилъ андалялецъ (**) (кажется, даже конно-иррегу-

(*) *Духанъ* — кабакъ. Духанщикъ — общепринятое на Кавказѣ названіе для маритантовъ.

(**) *Андаляль* — общество, въ которомъ лежитъ Гунивъ.

лярнаго полка), паспій нѣкогда баранту на этомъ скатѣ Гу-нибъ-дага. За стрѣлковою слѣдовалъ я съ 10-ю ротою. Вытянувшись мы гуськомъ по узкимъ дорожкамъ, извивающимся между садовыми стѣнками, и, достигнувъ вскорѣ подошвы крутаго ската, начали тихо взбираться на гору, нерѣдко начетверенкахъ. Темнота была хоть глазъ выколи. Слышались только глухой ревъ Кара-Койсу и тѣ, неизвѣстно откуда долетающіе, неопредѣленные звуки ночи, которые какъ будто еще болѣе увеличиваютъ тишину. Молчаніе прерывалось иногда легкимъ лагернымъ шумомъ, да время отъ времени раздавались уныло затннутыя переѣликанія шамилевыхъ сторожевыхъ или катились съ трескомъ и свистомъ, брошенный сверху, для предосторожности, камень. Многіе изъ этихъ камней пролетали такъ близко, даже рикошетомъ, черезъ наши головы, что я опасался невольнаго крика раенаго, что повлекло бы за собою цѣлый градъ камней. А до скалы было еще далеко. Карабкались, карабкались; потъ лилъ градомъ, дыханіе становилось затруднительнымъ. Нѣсколько большихъ обломковъ скалъ, удерживавшихся на покатости, дали возможность сдѣлать небольшой отдыхъ. Это было почти на половинѣ подъема. Я и ближайшіе ко мнѣ люди только что располагались присѣсть, чтобы перевести духъ, какъ является ко мнѣ унтеръ-офицеръ стрѣлковой роты и шопотомъ докладываетъ, что большая половина 2-го взвода оторвалась отъ роты, задержанная бурдюками. Я забылъ сказать, что мы взяли съ собою воды кто какъ и сколько могъ. Немногія манерки, которыхъ на Кавказѣ, какъ неудобныя, не берутъ въ походъ, но которыя теперь могли бы быть полезными, плоскія отъ о-де-колоня сткланки московскаго парфюмера Альфонса Ралле, употребляемыя солдатами вмѣсто флягъ, и круглые мѣдные солдатскіе котелки, кое-какъ прикрытые пучками травы — вотъ сосуды, въ которыхъ солдаты мои запаслись водою и по большей части донесли ее благополучно. Стрѣлковая же рота взяла съ собою пару ротныхъ выючныхъ бурдюковъ, носимыхъ каждый двумя рядовыми на плечахъ. Естественно, что, несмотря на частыя смѣны, люди, при неудобствѣ ноши, на такомъ подъемѣ уставали и своими останковками задерживали движеніе слѣдовавшихъ за ними. Они часто спотыкались, падали и принесли воды очень немного, поэтому что бурдюки порвались.

Но дѣло было не въ бурдюкахъ и въ водѣ, а въ томъ, что

я потерялъ направленіе. Передніе, въ полной увѣренности, что товарищи карабкаются за ними, лѣзли не оглядываясь, тѣмъ болѣе, что всѣ мы сознавали необходимость добраться какъ можно скорѣе до скалы. Сигналовъ, хоть тихимъ свистомъ или искрами, добытыми огнивомъ, давать было нельзя: чуткое ухо и зоркій глазъ горцевъ сію минуту замѣтили бы ихъ. Въ темнотѣ, гдѣ въ двухъ шагахъ не видно было человѣка, на крутѣйшей горной покатости, совершенно незнакомой, съ отвѣтственностію за жизнь болѣе сотни людей, съ обязанностію достичь назначеннаго мѣста, и еще въ извѣстный промежутокъ времени—обстоятельство немаловажное—мнѣ больше ничего не оставалось, какъ идти по кратчайшему пути къ скалѣ, т. е. прямо на гору, а не наискось, какъ до сихъ поръ. Я такъ и сдѣлалъ, и хотя съ большими затрудненіями, однако благополучно довелъ всѣхъ людей, вмѣстѣ съ стрѣлками, оставшими отъ ихъ роты, подъ защиту отвѣсной стѣны скалы.

Горцы едва не отъкрыли наше предпріятіе. Люди лѣзли уже не гуськомъ по тропинкѣ, а толпою, кто гдѣ могъ, придерживаясь только другъ къ другу, чтобъ не потеряться. Нѣкоторые солдаты наткнулись на двухъ мусульманъ, сидѣвшихъ подъ большимъ камнемъ. Это были всадники части Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, которая еще съ прошедшей ночи укрывалась подъ скалой. Люди наши объ этомъ не знали и, принявъ ихъ, по одеждѣ, за непріятельскіе аванпосты и не понимая татарскаго языка, сначала надѣлали было шуму, но какъ сопротивленія не было, то обезоружили всадниковъ и привели ко мнѣ. Тутъ все объяснилось. Къ счастью, шумъ, произведенный этимъ случаемъ, былъ покрытъ громкимъ голосомъ шамилева сторожеваго, вздумавшаго, какъ разъ въ это время, переключаться и при томъ передать что-то по цѣпи, нараспѣвъ, какъ обыкновенно горцы говорятъ между собою на большихъ разстояніяхъ.

Противъ наконецъ своихъ людей и давъ имъ отдыхъ, надо было подумать о восстановленіи сообщенія какъ съ третьею стрѣлковою ротою, подошедшею лѣвѣе взятаго мною направленія, такъ и съ ротами четвертаго баталіона, которыя должны были находиться правѣ меня. Это было тѣмъ труднѣе, что ходить вдоль отвѣсной скалы могла безопасно развѣ ловкая обезьяна. По счастью, я узналъ о присутствіи поблизости прикомандированнаго къ генеральному штабу сотника Борохо-

вича, который, съ всадниками конно-иррегулярнаго полка, былъ посланъ сюда для указанія мѣстъ, назначенныхъ частямъ войскъ. По его указанію, я могъ отправить бурдюки съ уцѣлѣвшей водой къ стрѣлкамъ, съ которыми Бороховичъ встрѣтился; онъ же обрадовалъ меня извѣстіемъ, что я попалъ именно на назначенное моею ротѣ мѣсто. Люди помѣстились кое-какъ подъ стѣною; тоже сдѣлалъ и я съ Бороховичемъ, такъ какъ, въ ожиданіи скорого начатія фальшивой тревоги, о работахъ нечего было и думать. Съ удовольствіемъ свидѣтельствую здѣсь о неутомимости сотника Бороховича. Безпрестанно карабкался по скаламъ, съ цѣлію открыть удобныя мѣста для предполагавшихся работъ, онъ только предъ началомъ тревоги позволилъ себѣ отдохнуть. Мы закусили сухарями и лбками, которыхъ былъ небольшой запасъ у цирюльника. (Цирюльникъ на Кавказѣ имѣетъ обязанность носить закуску ротнаго командира.) Не прошло и часу съ прибытія моего, какъ началась тревога. При первыхъ звукахъ барабана и горна, раздавшихся внизу, въ лагерь, и при громкихъ крикахъ „ура!“, горцы сначала какъ будто недоумѣвали, хранили глубокое молчаніе, прислушиваясь, откуда грозитъ опасность. Но когда и залегшія подъ скалою войска приняли барабанный бой и русское „ура!“, тогда горцы, съ неистовыми воплями, начали осыпать насъ буквально градомъ камней.

Никогда не забуду страннаго, соединеннаго съ оглушительнымъ шумомъ тревоги, звука отъ низвергавшихся на насъ камней и глухаго стона дрожавшей скалы, къ которой, поджавъ ноги, я прислонился. Никогда не забуду великолѣпнаго, невиданнаго зрѣлища, которое представлялъ нижній скатъ горы, засверкавшій тысячами разноцвѣтныхъ искръ. Это былъ и грозный и восхитительный фейерверкъ. Никогда канонада не производила подобнаго эффекта. Здѣсь огненная струя; тамъ разсыпающаяся лучами, какъ метеоръ, звѣзда; далѣе яркая вспышка выстрѣла, и все это непрерывно, въ продолженіе болѣе двухъ часовъ!

Но вотъ камни стали сыпаться рѣже. Несмотря на то, что многіе изъ нихъ рикошетировали такъ близко, что обдавали насъ осколками и пылью, что у одного недалеко отъ меня сидѣвшаго всадника иррегулярнаго полка была разможена нога, невзирая на адскій шумъ, я, полусидя, полудежа, прислонившись къ стѣнѣ, задремалъ отъ усталости. Это былъ не сонъ и

не бдѣніе, а, между тѣмъ, я почувствовалъ себя, послѣ такого отдыха, крѣпче и бодрѣе. Но лѣтняя ночь и на Кавказѣ не длинна. Вскорѣ блѣдная полоса озарила зубчатый горизонтъ горъ. При едва замѣтномъ свѣтѣ утренней зари, я приступилъ къ началію работъ, которыя производились, по предварительному моему осмотру мѣстности, въ довольно закрытомъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ ущельи. Запасъ камней у горцевъ истощился, и только изрѣдка бросали они камни, припосымае, вѣроятно, издадека. За то на разсвѣтѣ горцы открыли пальбу довольно частую и мѣткую, причинявшую однако намъ мало вреда. Люди были хорошо закрыты. Но стоило только протянуть фуражку или руку изъ-за угла, чтобъ тотчасъ же прожужжала пуля. Для прикрытія рабочихъ, смѣнявшихся въ числѣ шести человѣкъ черезъ десять минутъ, я помѣстилъ нѣсколько изъ находившихся при мнѣ стрѣлковъ въ разсѣлинахъ скалъ, за кустиками и гдѣ только представлялась возможность. Довольно удачный огонь нашъ уменьшилъ число непріятельскихъ выстрѣловъ. Все это продолжалось, впрочемъ, очень недолго. На скалѣ, образовавшей второй ярусъ стѣны, которая въ этомъ мѣстѣ выдвинулась далеко впередъ, показались два горца, махавшіе папахами и что-то громко кричавшіе. Не зналъ ни татарскаго, ни дзгинскаго языка, я слышалъ только имя Шамиля. Урядникъ Дагестанскаго конпо-иррегулярнаго полка, знавшій по-русски, перевелъ мнѣ, что они говорятъ: „Шамиль хочетъ бѣжать. Взойдите!“ Затѣмъ горцы скрылись.

Минута была рѣшительная: *aut Caesar, aut nihil!* Нетерпѣливый урядникъ совѣтовалъ „хайда, нашъ благородіе!“, но я еще колебался, отчасти потому, что подозрѣвалъ западню со стороны горцевъ, но болѣе изъ опасенія поступить противъ данной мнѣ инструкціи. Последнее было тѣмъ важнѣе, что я находился подъ ближайшимъ начальствомъ старшаго меня, хотя и въ одномъ чинѣ, командира стрѣлковой роты. Но кстати припомнились мнѣ слова Зейдлица, когда Фридрихъ II, не помню послѣ какого сраженія, выиграннаго великимъ полководцемъ по милости Зейдлица же, упрекнулъ его обидными словами въ неисполненіи приказанія: „не только жизнь, но и голова моя принадлежитъ вашему величеству“, отвѣчалъ знаменитый кавалерійскій генераль, то есть: надобно быть готовымъ пойти подъ полевой уголовный судъ, когда убѣжденію принести пользу нарушеніемъ полученнаго приказанія заставляетъ взять

на себя отвѣтственность за поступокъ, противный военной дисциплинѣ.

Послѣ минутнаго колебанія, я сказалъ:

— Ну-ка съ Богомъ, ребята, пойдемъ!

— Ура! было мнѣ отвѣтомъ.

Начали подыматься. Признаюсь, не совсѣмъ покоенъ былъ я. Злѣйшій мой врагъ былъ уже не впереди меня, а сзади — судъ! Невольныя мысли объ этомъ, равно и первоначальная энергія были причиною, что я довольно скоро поднялся до первой осыпи. Вступивъ на эту первую террасу, я посмотрѣлъ внизъ: въ лагеряхъ баталіоны бѣжали въ ружье, при радостныхъ крикахъ „ура!“ и вслѣдъ затѣмъ стали подыматься быстро. Между тѣмъ, солнце взошло и разогнало легкій прозрачный туманъ, лежавшій, во время разсвѣта, ниже насъ, надъ ущельемъ.

Мысль, что не я одинъ рѣшился на штурмъ, облегчила мнѣ душу, но вмѣстѣ съ тѣмъ подѣйствовала на избытокъ моей энергіи, который заставилъ меня поступить по своему усмотрѣнію. Даже физическія силы мои, доселѣ возбужденныя моральнымъ чувствомъ, ослабѣли. Я съ ужасомъ смотрѣлъ на пропасть, зіявшую у моихъ ногъ; только теперь возвратилось ко мнѣ привычное чувство головокруженія, для многихъ самое тягостное изъ всѣхъ ощущеній. Въ глазахъ у меня потемнѣло. Пропасть съ бѣлѣющимъ на днѣ ея лагеремъ, высокая отвѣсная стѣна, у которой я стоялъ на крутой осыпи, окрестныя фіолетовыя горныя вершины, солдаты, карабкающіеся съ привязанными на сплѣхъ ружьями, все это слилось въ какой-то хаосъ, ноги у меня подкосились, и я упалъ, судорожно схватившись за пучекъ длинной травы. Нѣсколько минутъ пробылъ я въ такомъ полувисячемъ положеніи, съ закрытыми глазами, поддерживаемый двумя солдатами. Но мѣшкать было некогда. Я пересилилъ свою натуру и ободрился. Хотя мои походные сапоги были съ подковами и съ тремя длинными и острыми на каблукахъ гвоздями, но какъ въ подошвахъ гвоздей не было, то и не представлялось возможности держаться носкомъ. Я снялъ свои сапоги, и два солдата привязали ихъ себѣ, по одному, на спину. Шашку я заложилъ на спину, чтобъ имѣть руки и ноги свободными, и въ такомъ видѣ продолжалъ гимнастическое упражненіе подъема, придерживаясь руками и пальцами ногъ за выпуклости скалъ. Какъ все это соверши-

лось, не знаю. Знаю только, что я пережилъ самыя тяжелыя минуты въ моей жизни. И теперь еще, когда случается видѣть то мѣсто, гдѣ я взомель на Гунибъ-дагъ, мнѣ не вѣрится, чтобы можно было взобраться на вершину такой горы...

Есть люди, которые, не теряя хладнокровія въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ, болятся, будто пугливыя дѣти, оставаться въ темной комнатѣ, пройти ночью черезъ кладбище, не дотронуться до лягушки или до таракана, не пойдутъ на высокую башню, ни за что въ свѣтъ не отважатся на морское плаваніе, а иные приходятъ въ смущеніе отъ какого нибудь звука или даже запаха. Подобныя явленія суть слѣдствіе глубокихъ впечатлѣній, получаемыхъ большею частью въ дѣтскомъ возрастѣ и оставляющихъ навсегда, въ нервахъ нашихъ, болѣзненную раздражительность, которая нерѣдко идетъ въ разладъ съ здоровымъ разсудкомъ или даже упорно сопротивляется собственной нашей волѣ. Почти всю мою службу я провелъ на Кавказѣ, и однакожь не могу смотрѣть въ пропасть равнодушно, а когда нѣтъ ни квадратнаго горизонтальнаго вершка, когда висишь надъ бездною только на кускѣ травы, держащейся въ рыхлой землѣ, въ щеляхъ скалы, тогда чувство, болѣе или менѣе испытываемое всѣмъ, куда какъ далеко превосходитъ инстинктивное чувство самосохраненія. Я, по крайней мѣрѣ, помню, не боялся упасть, не страшился почти неминуемой, въ этомъ случаѣ, смерти: меня пугала собственно пропасть. Ощущеній моихъ я не могу описать. Я даже съ трудомъ припоминаю кое-что изъ моихъ впечатлѣній во время этого полувоздушнаго путешествія. Сохранился въ моей памяти одинъ случай. Стоялъ я у подножія второй стѣны, смотрѣлъ на вертикальную узкую щель въ гладкой скалѣ, возвышавшейся предо мною, по которой солдаты мои вскарабкивались при помощи колѣнъ и локтей, съ ружьемъ на спинѣ. Стоялъ я какъ-то безсмысленно, въ ожиданіи своей очереди. Смотрю, наверху виситъ солдатъ: схватившись одной рукою за пучекъ травы, другою за кустикъ колючки, онъ усиливался упереться колѣнами въ стѣну, чтобы какъ нибудь заобраться. Но силы ему измѣнили: кажется, вотъ сію минуту упадетъ несчастный, и упалъ бы непременно. Но ниже его лѣзъ другой солдатъ, не видѣвшій что происходитъ вверху. Штыкъ при-
вязаннаго на спинѣ ружья высоко торчалъ надъ его головою. Случайно онъ толкнулъ имъ повисшаго солдата въ тотъ самый

моментъ, когда солдатъ, собравъ послѣднія силы, поднималъ кобѣна. Уколотый штыкомъ, онъ однимъ скачкомъ выбрался на вторую осыпь. Маленькая контузія, а быть можетъ и ранга, спасла жизнь не только ему, но и пяти или шести человѣкамъ, которыхъ онъ увлекъ бы въ своемъ паденіи. Я расхотался и добрался до второй осыпи.

Иное впечатлѣніе сдѣлалъ на меня солдатъ, раненый дулею въ щеку. Оборвавшись, онъ упалъ, и я слышалъ трескъ разбившихся объ скалу костей его.

Помню еще, какъ въ одномъ мѣстѣ пришлось обхватить руками выдавшійся въ видѣ носа гладкій кусокъ скалы, а ноги ставить на пучки травы или кустарника, выросшіе въ щели, и все туловище надо было перегибать назадъ надъ пропастію. Не понимаю, какъ никто не сорвался здѣсь. Впрочемъ, солдатики лѣзли не только на этомъ мѣстѣ, но и правѣе и лѣвѣе меня, то подсаживая, то вытаскивая другъ друга. Много помогали имъ подбитыя гвоздями подошвы походныхъ сапоговъ.

Наконецъ, хотя и не изъ первыхъ, я достигъ верхней окраины Гунибъ-дага. Она имѣетъ здѣсь видъ остраго гребня, такъ какъ поверхность горы круто спускается гладкою стѣною къ руслу рѣчки. Пожалуй, можно было бы сѣсть верхомъ на этотъ гребень. Замѣтивъ ниже площадку около бугра, скрывавшаго часть котловины справа, я спустился, сидя, наискось по отвѣсной скалѣ и добрался, съ находившимися при мнѣ людьми, до площадки. Здѣсь произошла характеристическая сцена. Гдѣ была возможность, мнѣ помогали при подъемѣ солдаты, въ особенности одинъ рядовой: онъ подсаживалъ меня, вытаскивалъ, подавалъ свое ружье, поддерживалъ, когда отъ головокруженія и изнеможенія я едва цѣплялся окровавленными руками за колючку или сухую траву. Этотъ же самый рядовой еще ночью много помогалъ сотнику Вороховичу. Поблагодаривъ Разпутнаго — такъ зовутъ этого солдата — я хотѣлъ его поцѣловать; но онъ, отступивъ шагъ назадъ, пробормоталъ:

— Ваше благородіе, я этого не достоинъ.

— Что ты! коли начальникъ удостоиваетъ, чего же боишься! проговорилъ строгимъ тономъ стоявшій поблизости унтеръ-офицеръ.

Солдатъ позволилъ себя поцѣловать.

Аула Гунибъ не было видно: онъ скрывался за буграми, правѣе. Только нижняя часть поверхности Гунибъ-дага, обра-

ценная къ кегерскимъ высотамъ, представлялась нашимъ глазамъ. Толпы горцевъ бѣжали по разнымъ направленіямъ; далеко надѣво, въ кустахъ, около заваловъ, на окраинѣ юго-восточнаго фаса, блестя иногда что-то, какъ будто штыки, и тамъ же слышна была перестрѣлка. Большая часть моей роты, взошедшая скорѣе меня, ушла съ субалтернъ-офицеромъ. Со мною было только человѣкъ тридцать. Съ ними я направился къ аулу, спускаясь то бѣгомъ, то почти кубаремъ по скатымъ полямъ, расположеннымъ, по горскому обычаю, въ видѣ террасъ. Попалась намъ небольшая толпа горцевъ; выстрѣливъ изъ винтовокъ и пистолетовъ, они забѣжали за бугорокъ вѣво. Мы отбѣчали имъ нѣсколькими пулями, но, не обращая вниманія, продолжали спускаться.

Когда мы добрались до ручья, то всѣ бросились утѣлять палившую насъ жажду прозрачною, какъ хрусталь, водою, уже принявшую слегка красноватый цвѣтъ! Я засталъ здѣсь человѣкъ двадцать сдавшихся военноплѣнными жителей разбросанныхъ поблизости саклей. Оружіе ихъ лежало въ кучкѣ неподалеку, а караулили ихъ человѣкъ шесть 2-го ширванскаго баталіона, которымъ прибытіе мое очень было ксати. Они были оставлены частію баталіона, которая, увлекшись впередъ, наткнулась на эту толпу и не знала что дѣлать съ плѣнными.

Здѣсь я остановился минутъ на двадцать для отдыха усталымъ людямъ и этимъ временемъ воспользовался собрать и привести въ нѣкоторый порядокъ свою роту. Люди прибывали по три, по четыре, такъ что минутъ черезъ пять я не досчитывался только человѣкъ двадцати-пяти. Въ послѣдствіи почти всѣ они были найдены мною подъ ауломъ, на лѣвомъ берегу рѣчки. Здѣсь же получилъ я обратно и свои сапоги, которые надѣлъ на расцарапанные ноги съ особеннымъ удовольствіемъ.

Кругомъ шла перестрѣлка. Пули жужжали по всѣмъ направленіямъ, большею частію уже на излетѣ. Вездѣ происходили частыя схватки. Одна, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, представилась мнѣ по прибытіи моемъ къ руслу рѣчки, въ двухстахъ шагахъ разстоянія. Пятая наша рота, бывшая выше противъ насъ, на сѣверо-западной окраинѣ горы, преслѣдовала, перестрѣливаясь, толпу мюридовъ человѣкъ въ пятьдесятъ. Мюриды отступали быстро. Истрѣтивъ препятствіе въ поперечной глубокой разсѣлинѣ, нѣкоторые изъ нихъ броси-

лись съ отчаянія въ пропасть, другіе бѣгомъ спустились по краю разсѣлины къ ручью, немного лѣвѣе мѣста, гдѣ я въ то время находился. Въ этотъ самый моментъ подошла рота нашего 2-го баталіона и тотъ же часъ была направлена на встрѣчу мюридамъ полковникомъ Кононовичемъ (*). Гикнувъ, мюриды бросились въ шашки, а наши въ штыки. Не вытерпѣвъ, и я было бросился; но плѣнные, сидѣвшіе до сихъ поръ смирно, встрепенулись, подошли къ оружію, и я поневолѣ долженъ былъ обратиться на нихъ. Черезъ двѣ, три минуты ожесточеннаго рукопашнаго боя, мюриды всѣ легли; но много и нашихъ было ранено и убито.

По передачѣ плѣнныхъ ротъ 2-го баталіона, я направился по утесистому лѣвому берегу рѣчки къ аулу. На увѣнчанномъ тогда нѣсколькими березами бугрѣ, насупротивъ аула Гуниба, отдѣленномъ отъ него глубокимъ ущельемъ, въ которомъ струится рѣчка, я нашелъ генералъ-маіора князя Тарханъ-Моуравова, съ 1-ю стрѣлковою ротою Грузинскаго гренадерскаго полка. Рота эта поддерживала перестрѣлку, а, между тѣмъ, сложила на скорую руку изъ камней родъ бруствера, за который были поставлены прибывшіе черезъ полчаса два горные единорога. Они тотчасъ же открыли пальбу противъ стѣнъ аула, весьма удачную, но непродолжительную, потому что вскорѣ данъ былъ сигналъ прекратить дѣйствіе. Несмотря на то, еще долго продолжали горцы довольно частую стрѣлбу по намъ изъ аула. Перестрѣлки и частныя схватки также не разъ возобновлялись въ разныхъ мѣстахъ.

Здѣсь я прекращаю разсказъ о личныхъ воспоминаніяхъ моихъ 25-го августа 1859 года.

Отправившись мимо аула черезъ оврагъ ручья, для соединенія съ своимъ баталіономъ, занимавшимъ высоту на сѣверѣ отъ аула, я очутился на противоположной сторонѣ, откуда выѣхалъ Шамиль къ намѣстнику, и потому не могу сообщить ничего подробнаго объ этомъ событіи, имѣющемъ, впрочемъ, только значеніе эпилога послѣ разыгранной драмы.

Изъ всего разсказаннаго мною читатель замѣтитъ, что я не имѣлъ желанія описывать свои подвиги, по той весьма простой причинѣ, что никакихъ подвиговъ не совершилъ. Мнѣ хотѣ-

(*) Командиръ Ширванскаго пѣхотнаго полка.

лось только дать хотя малое понятіе о томъ, какъ было дѣло подъ Гунибомъ. Быть можетъ, я слишкомъ увлекся собственными воспоминаніями; но, тѣмъ не менѣе, изъ моихъ словъ видно, что взятіе Гуниба было вовсе не такъ неожиданно, какъ говоритъ г. Глиноецкій. Напротивъ, всѣ были готовы на случайность, могущую въ чемъ бы то ни было способствовать успѣху, и начальники, для избѣжанія лишней потери, скорѣе принуждены были удерживать войска отъ нетерпѣливаго рвенія, нежели поощрять ихъ предпримчивость. Штыки, видѣнные барономъ Врангелемъ на противоположной окраинѣ Гунибъ-дага, когда онъ, по ежедневному обыкновенію, спускался къ Кудалимъ, были ширванскіе. Махать папашою онъ не могъ потому, что носилъ ее только тогда, когда форма того требовала, зимою при полной парадной формѣ; если же онъ и махалъ своею бѣлою фуражкой, съ извѣстнымъ намъ всѣмъ большимъ козырькомъ, то ужъ конечно не для того, чтобъ послать кого бы ни было на штурмъ, а просто подъ вліяніемъ совершавшагося на его глазахъ торжества. Къ тому же баронъ Врангель окончательно убѣдился въ томъ, что наши на Гунибъ-дагѣ, когда слышали продолжительное ура тысячи голосовъ, пересилившее шумъ и гулъ Кара-Койсу. Прямое разстояніе отъ спуска надъ Кудалими, даже только до площадки, немного выше которой, въ скалахъ, стояли наканунѣ 1-й и 2-й баталіоны ширванцевъ, поднявшіеся уже на гору, слишкомъ велико, чтобъ слышанъ былъ крикъ одного человѣка, и только зоркій глазъ былъ бы въ состояніи разсмотрѣть движеніе войскъ сквозь мглу, носящуюся надъ рѣкой обыкновенно часовъ до девяти. Съ того мѣста, гдѣ баронъ Врангель впервые узналъ о нашемъ успѣхѣ, именно съ кудалинскаго спуска, можно видѣть лишь ту часть поверхности Гунибъ-дага, на которую взошли только 1-й и 2-й баталіоны Ширванскаго полка, такъ какъ близко не было другихъ войскъ. Спустившись же ниже самыхъ Кудалей или находясь на склонѣ Гунибъ-дага, нѣтъ возможности видѣть что происходитъ не только на поверхности, но даже на окраинѣ горы. Потому напрасно г. Глиноецкій вставилъ эпизодъ „ура!“ барона Врангеля ширванцамъ въ свои „Путевыя Замѣтки“.

Возраженія противъ нѣкоторыхъ другихъ неточностей въ „Замѣткахъ“ не входятъ въ цѣль моихъ воспоминаній, набросанныхъ единственно въ защиту славы полка, принадлежать къ которому я считаю за честь.

Взятіе Гуниба напоминаетъ давно извѣстный, но, тѣмъ не менѣе, характеризующій нашего солдата, фактъ о разговорѣ двухъ часовыхъ въ цѣпи:

— Ишь, гдѣ аулъ-то построили, проклятые! Да еще башни тамъ какія у нихъ! Одно слово, гнѣздо орлиное. Какъ ты думаешь, вѣдь туда взлѣсть нельзя?

— Знамо, нельзи.

— Никويمъ образомъ?

— Нельзи.

— Стало, и взять-то нельзи?

— Нельзи.

Солдатъ призадумался, все глядя на аулъ, лѣнившійся на вершинѣ скалы. Не нравилось ему словцо „нельзи“. Вдругъ блеснула у него въ головѣ мысль.

— А коли прикажутъ?...

Тотъ усмѣхнулся.

— Чяво тутъ спрашивать-то? Дуракъ ты, братецъ! Прикажутъ: возьмемъ!

Но 25-го августа и не приказывали, а все-таки взяли Гунибъ.

На обѣдѣ, въ день освященія георгіевскихъ знаменъ, все-милостивѣйше дарованныхъ за штурмъ Гуниба двумъ баталіонамъ Ширванскаго полка, 14-го марта 1862 года, полковникъ В. В. Домонтовичъ (командиръ бывшей горной № 6 батареи) произнесъ слѣдующій тостъ:

Привѣтствую съ благоговѣніемъ*
 Трофеи славы боевой,
 Съ ихъ царственнымъ благословіемъ
 За штурмъ, за подвигъ громовой!...
 О полкъ блистательный! Недаромъ
 Награда царская тебѣ.
 Шахъ иль пѣшу; однимъ ударомъ
 Ты положилъ конецъ борьбѣ,
 Исторгнулъ мечъ у человека,
 Подъ кѣмъ дрожала четверть вѣка,
 Стояли горцыя племени.....
 Разлѣйтесь подъ полкомъ съ любовью
 Добытыя ширванской кровью
 На славномъ штурмѣ знамена!...

Была пора: на порть кровавый
 Стекалися полки Царя.
 Ихъ пелъ намѣстникъ величавый,
 Отвагой всѣхъ животворя.
 Въ Чечинѣ и въ Салатау грянулъ
 Побѣдный непрерывный громъ;
 Отъ Евдокимова отпрянулъ
 Шампиль, означенный кругомъ.
 Ужь палъ отъ громовой осады
 Его Ведень—и часъ насталъ!
 Къ Гунибу двинулись отряды
 Отъ Каспия и Закаталя;
 Ужь врагъ отъ Согратю отброшенъ,
 Сдѣлалъ Улму-Кале, Ирибъ,
 Цѣлтъ лучший мюридизма скошенъ,
 Но старецъ мощный не погибъ
 Еще; торжественно роскошенъ
 Его подъябланный Гунибъ!
 Оттуда онъ перуны мечетъ,
 И воинственный Кавказъ
 Ему съ восторгомъ рукоплещетъ...
 Грохочетъ онъ въ послѣдній разъ!
 Съ полуночи орелъ державный
 Подымется надъ облака...
 Завтра штурмъ!—О подвигъ славный
 Побѣдоносного полка!—
 Впередъ на громовыя скалы
 Съ утеса на утесъ впередъ!
 И кровью облились завалы...
 Подымень до небесъ бокалы
 За славу храбрыхъ воеводъ!
 Почетнымъ знаменемъ покроемъ
 Чело вождей-богатырей!
 Да будетъ вѣять надъ героямъ
 Благословеніе Царя!
 Раздайся мой призывъ священный,
 Чтобъ дрогнула Гунибъ-гора!
 Да вдрапсуется благословенный
 Побѣдоносный полкъ!—Ура!!!

А. ФОНЪ-ГОЛЬДМАНЪ.